

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Н. Н. Муравьев-Кареский

**СОБСТВЕННЫЕ
ЗАПИСКИ
1826–1828**

КУЧКОВО ПОЛЕ

ИКС-ИСТОРИ

Москва

2019

УДК 82-94
ББК 63.4(2)47
М91

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках реализации государственной программы
Российской Федерации «Развитие культуры и туризма»

Печатается по изданию: Русский архив. 1877. Вып. 3.
С. 315–351; 1888. Вып. 11. С. 396–433; 1889. Вып. 2. С. 177–208;
Вып. 4. С. 571–604; Вып. 8. С. 536–561; Вып. 9. С. 60–97;
Вып. 11. С. 273–316; 1891. Вып. 9. С. 5–82; Вып. 10. С. 177–228;
1893. Вып. 11. С. 317–433; Вып. 12. С. 401–478; 1894. Вып. 1. С. 5–54.

Муравьев-Карский Н. Н.

М91 Собственные записки: 1826–1828 / вступ. ст., имен. указ.
и коммент. Д. Д. Зелова. — М.: Кучково поле, Икс-Истори,
2019. — 800 с.; 32 л. илл. — (Военные мемуары)

ISBN 978-5-9950-0803-3 (ООО «Кучково поле»)

ISBN 978-5-6043788-0-9 (ООО «Икс-Истори»)

Вошедшие в 4-й том «Собственные записки» Н. Н. Муравьева-Карского охватывают период с января 1826 по декабрь 1828 года и содержат рассказ о его службе на Кавказе во время Русско-персидской и Русско-турецкой войн, в главных событиях которых он принимал непосредственное участие. Автор подробно останавливается как на ходе боевых действий, так и взаимоотношения командиров, описывает ход войны предельно откровенно и честно, буднично и без прикрас, что составляет исключительную ценность «Записок» как источника. Много места он уделяет также национальным особенностям, традициям и культуре региона.

Книга предназначена как специалистам в области истории и культурологии, географии и этнологии, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей России.

УДК 82-94
ББК 63.4(2)47

ISBN 978-5-9950-0803-3
ISBN 978-5-6043788-0-9

© ООО «Кучково поле», 2019
© ООО «Икс-Истори», 2019

Предисловие

Николай Николаевич Муравьев (1794–1866) для первой половины позапрошлого столетия был общественным и государственным деятелем весьма необыкновенным. Профессиональный военный, он являл собою для той поры образ весьма необыкновенного общественного и государственного деятеля. Не будет большим преувеличением, если постараться уместить многолетнее беззаветное служение автора «Записок» своему Отечеству на военном и дипломатическом поприще в емкую лермонтовскую фразу «слуга царю, отец солдатам». Достигнув за годы своей жизни весьма значительных служебных высот, Н. Н. Муравьев, будучи одним из самых разносторонне образованных людей своего времени, сумел пронести сквозь года, несмотря на многочисленные невзгоды и препоны, встречавшиеся на его жизненном пути, редкие душевные качества, так поражавшие и изумлявшие его современников. Он сумел сохранить широту взглядов, интерес к истории и этнографии тех местностей и регионов, где ему приходилось служить. Отличала мемуариста и несвойственная большинству его современников особая человечность и озабоченность судьбой самых что ни на есть обычных, простых людей: как раз именно того «безмолвного большинства», которое и тянуло (как правило, безропотно и бессловесно) многие годы тяжелую и многотрудную лямку армейской службы и без участия которых была бы невозможна ни одна, даже самая что ни на есть заурядная, победа российской армии над неприятелем.

— приводится более подробное описание событий, о которых автор упоминает кратко, но без изложения которых непонятна суть этих событий;

— объясняется значение специальных терминов, а также устаревших, иноязычных и диалектных слов; при этом особое внимание обращено на несовпадение используемых автором названий народов и этнографических понятий с современными;

— приводятся современные названия населенных пунктов и иных географических объектов, которые за прошедшее время были переименованы;

— указываются ошибки автора или публикатора (установить, кто из них ошибся, не имея первоначального рукописного текста, не всегда возможно), но очевидно, что многие ошибки были явно вызваны неправильным прочтением рукописного текста.

Ценность настоящей части «Записок» Н. Н. Муравьева-Карского заключается в том, что они написаны непосредственным участником малоизвестной широким кругам истории Русско-персидской и Русско-турецкой войн 1826–1828 годов. А учитывая то обстоятельство, что данная часть литературного наследия автора с конца позапрошлого века ни разу не переиздавалась, мы выражаем надежду, что предпринимаемая нами публикация послужит источником сведений о весьма малоизученном периоде русской истории и будет интересна и полезна как профессиональным исследователям-историкам, так и самому широкому кругу читателей, интересующихся судьбой нашей Отчизны.

*Дмитрий Зелов,
кандидат исторических наук*

Собственные записки 1826–1828

Январь-июль 1826 года

(Начато в Манглисе¹, 2 января 1826)

Будучи в Тифлисе², я обдумывал свое положение и то, на что мне теперь решиться надобно: идти в отставку или остаться. Дабы ехать в Россию, увидел я только одну причину — мое желание, и я нашел оную недостаточной, если она не поддержана доводами, доказывающими пользу сего. Приехав в Россию, я найду недостаток в доме отца и братьев и, следовательно, не буду в состоянии приступить к единственному намерению моему — жениться; тем более что батюшка нисколько не расположен помочь мне. Уезжая отсюда, я теряю генеральский чин, до коего мне уже немного служить осталось, и тогда мне будет легко уехать, не имея на руках полка, который уже будет сдан. Между тем, я не считаю на женитьбу в России, коей лишат меня независимости, мною приобретенной многими трудами и беспокойством: ибо захотят, чтоб я сие сделал не по своему выбору, а по выбору родственников. Я приехал сюда вчера в намерении заняться опять полком и оставить оный со службою не прежде, как когда понудят меня к сему какие-нибудь неприятные обстоятельства.

Февраля 2-го я приказал Артемовскому изготовить приказ о назначении на место его другого, в должность адъютанта, а именно прапорщика Потембу 2-го, который до сих пор управлял работами; я пробовал образовать сего молодого офицера, имеющего отличные способности, и доставить сим ему счастье. На прошлой неделе начались у меня классы для офицеров.

Третьего дня узнал я о несчастном происшествии, случившемся в Черниговском полку, коего одним батальоном командовал Сергей Муравьев. Мне не могло не быть прискорбно слышать о несчастьи, постигшем всех трех братьев и все семейство их³.

Тифлис, 20 февраля. Вчера был у меня Мазарович, который передал мне известие, полученное князем Мадатовым из Петербурга, и которое он мне третьего дня еще сказал, что князь Меншиков едет в Персию на место Мазаровича*. В таком случае я не думаю, чтоб Алексей Петрович остался долее в Грузии, и я должен буду брать меры, дабы удалиться отсюда.

Манглис, 29 марта. Вчера получил я письмо от батюшки, коим он уведомляет меня, что братья Александр и Михайло находятся в Петербурге и что жены их туда же поехали, не объясняя причин сего, потому я имею сильный повод беспокоиться о том, что их взяли в Петербург по подозрению в участии в недавно случившихся там возмущениях. Получив письмо сие вчера после обеда, я лег спать и видел во сне старшего брата, приехавшего в Грузию, который говорил мне, что он был увезен в Петербург скованный, но оправдался, присовокупив, сколько он меня считает счастливым, что я живу в Грузии, где только и можно найти покой.

Тифлис, 3 апреля. Я ездил являться и был у Меншикова, который не мог мне никаких сведений о братьях дать, кроме того, что ему известно было, что старшего взяли в Петербург к допросу; он же говорил мне, что Никита Муравьев содержится втайне и потому о нем ничего не известно. Меншиков, по-видимому, известен обо всех действиях здешних и старался от меня узнать также об оных, но я счел обязанностью уклониться от подобных объяснений. Я был также у княгини Мадатовой, которая сказала мне, что получила письмо от брата своего, коим извещает ее, что братья мои освобождены, но что Александр не хотел

выйти из-под ареста, требуя наказания за то, что он, различными разговорами и внушениями в молодости своей, вовлек многих молодых лет в возникшее возмущение и соделал их чрез сие несчастными⁴.

Манглис, 27 апреля. По известиям, полученным мною от Севарземидзева о намерении турок вторгнуться в границы наши, я выехал отсюда 24-го числа для осмотра дорог, ведущих по хребту Карталинских гор прямо к Тифлису, и проехал верхом на Цалку⁵, где пробыл 25-го числа для осмотра роты 8-й егерской, там стоящей, и 26-го возвратился сюда по прямой дороге.

30 мая. Месяц сей почти весь прошел в суетах и заботах. 17-го числа приехал бригадный командир*, который смотрел полк и выехал отсюда 20-го; в тот же день, по требованию начальства, я должен был явиться к нему в казачий Иловыйский полк. 21-го он ездил к Леонову, а я поехал на Цалну, дабы приготовиться к приему, но 22-го он прибыл на Цалну, где 23-го дневал за дурной погодой; 24-го приехал он в Манглис, где был 25-го и 26-го, а 27-го поехал в Тифлис (куда ожидали прибытия корпусного командира), ночевал на Приютине, а 28-го оттуда выехал. Я провожал его почти до немецкой колонии по новой дороге вправо; оттуда я возвратился в Приютино, где и ночевал, и вчера приехал сюда. Сегодня же собираюсь ехать в Тифлис с поручиком Коцебу, которого я привез с собой сюда**.

Путешествие Вельяминова имело в предмете осмотр турецкой границы, Цалны, Белого Ключа⁶, Манглиса, или, лучше сказать, имело предлогом осмотр мест сих; но, по-видимому, настоящая цель его состояла в том, чтобы сделать прогулку, в коей бы он мог провести время свое самым для него приятным образом, в полном наслаждении телесных и душевных сил, т. е. проводить время в созерца-

* Вельяминов. — Примечание П. И. Бартенева, далее — П. Б.

** Дальнейшее писано уже года через полтора, в Тифлисе, 8 декабря 1827. — П. Б.

* Так у автора.

нии, есть и пить без всякой помехи, в чем ему и удалось совершенно. Полковые командиры по введенному порядку должны себе за счастье ставить угостить такого дорогого, по его мнению, гостя; они должны были предугадывать малейшие прихоти его и заниматься одними только ими. Без сомнения, умный человек сей в беседе был очень приятен; но не менее того посещения его были тяготительны, и я, по званию своему полкового командира, должен был вести себя согласно с изложенными правилами.

Статью сию, описанную вкратце прошлого года, я распространил с тем, чтоб продолжать подробные записки свои ежедневно, желая поместить в оные все обстоятельства похода против персиян, который я не имел времени записывать. Желал бы также подробно писать и обо всем, со мною случившемся, ибо происшествия в течение сего времени слишком важны. Я женился⁷, сдал полк, был исправляющим должность начальника штаба в корпусе; на мне лежало управление всей армии при начальстве беспокойном и своенравном. Я видел падение Ермолова, возвышение Паскевича, коего главные свойства сейчас назвал, видел поступки Дибича, исполнителя воли царской, видел ненависть, слабость, хитрость, безумие в самых сильных степенях их, служил в то время при всех трех начальниках, слышал временами их отзывы друг о друге, видел взаимное обхождение их, скорбел о подавленной справедливости, об ошибках человека, чтимого великим, о восторженствовании глупца, о происках людей тупых, хотел удалиться от всех сует сих; но меня не отпустили, я остался, исполнял обязанность свою и наблюдал.

Не менее того я не вздумал бы еще продолжать записок сих, но меня побудил к сему приступить следующий случай. Паскевич не переставал во все время похода нынешнего года делать мне самые большие неудовольствия и упрекать меня в тайных связях с Алексеем Петровичем Ермоловым с намерением, как он говорил, помрачить мнимую его славу. Однажды, видя хладнокровие, с коим я при-

нимаю обидные и несправедливые упреки его, увенчал он поступки свои против меня, открывшись, что он понимает цель мою написать о нем книгу, дабы замарать его славные подвиги. Выражение сие показалось мне весьма смешным, мысль странная; но, возвратившись в палатку, я воспользовался ею и подумал, что точно было бы жалко не передать потомству или, лучше сказать, не сообщить ближним моим и друзьям всех поступков его, странностей, ошибок, неприятного нрава и обхождения с подчиненными. Вместе с тем не хотелось мне оставить без замечаний и войны с персиянами, столь занимательной многообразными обстоятельствами, ее сопровождавшими; не хотелось мне также не описать и происшествий, лично со мною случившихся, главнейших обстоятельств жизни моей. А потому я в то же время начал составлять подробную программу, в коей поместил все, что мог припомнить с того дня, как перестал вести записки сии, и продолжал программу сию до сего дня, выжидая свободного времени, дабы распространить статьи, оную составляющие. Ныне приступаю к сему.

Корпусный командир, находившийся на линии, приехал в Тифлис.

Слухи о войне с персиянами уже давно носились, и правительству уже два года было известно о приготовлениях, ими деланных, для начатия сей войны. После заключения Гюлистанского мира Ртищевым должно было сделать разграничение между обеими державами, ибо до сих пор граница сия никому не была известна настоящим образом⁸. Большей частью граница сия шла по вершине гор, отделяющих наши области от персидских, но сие не было определительно. Притом же мирный трактат не пояснял границы сей, которую тогда не осматривали. Между тем кочевые народы наши пасли стада свои на местах, приязаемых персиянами. Полковник князь Саверземидзев занял даже в 1818 году при Балыкчае военный пост в землях, которые персияне называли своими. В том же году

я был послан с двумя ротами, дабы препятствовать жителям Тамшадилской дистанции уклониться к персиянам, как о том носились слухи. Следуя по берегу озера Гек-чая⁹, я не нашел удобнее места, как устье реки Гили, впадающей в сие озеро с юго-восточной стороны, что выходило на противоположной стороне занятого Саварземидзевым урочища, называемого Шиак-Майданом. Место, мною открытое, было чрезвычайно выгодно тем, что самое озеро составляло уже природную преграду намеревавшимся бежать за границу и что с малым числом войск можно было удержать большое количество татар в повиновении; при том же мы приобретали большую половину берегов озера сего, богатого рыбной ловлей; но Гиль была уже за цепью гор и далеко за оной. Персияне в том же году начали селить на южном берегу сего озера караканахского Начихана и не переставали ежегодно просить от главнокомандующего возвращения мест сих и назначения чиновников для размежевания границы. Главнокомандующий всячески уклонялся от сего; но, наконец, были назначены действительный статский советник Могилевский и полковник Ермолов. Они употребили целое лето для объезда границы сей, от Арпачая¹⁰ до Каспийского моря, виделись с чиновниками персидскими и не согласились ни в чем.

Для окончания дела сего был прислан от персидского двора уполномоченный чиновник тавризский¹¹ бегляр-бек¹², или губернатор, Фет-Али-хан. Он приехал в Тифлис, был принят весьма хорошо и согласился на все наши требования, но согласие его не было признано правительством персидским, и дело сие опять осталось нерешенным. Между тем, осенью 1825 года известие о намерении персиян сделать вторжение в границы наши уже совсем обнаружилось. Тогда послали две роты моего полка в Караклис¹³ для удержания, в случае нападения, неприятеля, ибо Тифлисский полк, занимавший линию сию, был так расстроен командиром своим полковником князем Саварземидзевым, что он

едва мог выставить несколько войск: люди были все развлечены по хозяйству и частным работам, так что они были более похожи на поселян, чем на воинов. Упущение сие по всей границе было, конечно, причиною блистательных успехов неприятеля в начале сей войны; оно непростительно начальникам и более всего главнокомандующему. Правление его было уже так слабо, и частные начальники столько пользовались сею слабостью, что последствия от сего, как и оказалось, должны были произойти самые пагубные.

Обхождение корпусного командира с Аббас-мирзой и персидским правительством было самое оскорбительное и возбуждало в них желание к мщению. Аббас-мирза долго не решался на сие; он приготавливал исподволь все мусульманские области наши к возмущению, имел со значительнейшими из оных переписку; золото его, обещания и письма рассыпались даже в Дагестане и действовали в Чечне, где народ давно уже был озлоблен злоупотреблениями правителей наших, так же как и в ханствах. Между тем он сам готовился сделать вторжение, коим он едва не лишил нас всей Грузии. Ему известно было слабое и расстроенное состояние войск наших. Английские офицеры, находящиеся в службе его, приезжали в Тифлис под различными предлогами и доставляли ему самые верные сведения и, посылая уполномоченного своего Фет-Али-хана, бекляр-бега тавризского, для переговоров о границе, он нисколько не располагал привести дело сие к окончанию по желанию нашему, и потому, как было слышно, по возвращении его Аббас-мирза ограбил и наказал его палками по пятам за сделанные им уступки.

Обхождение Саварземидзева с ериванским сердарем¹⁴ было также весьма невежливое; но причиною сего были, может быть, счеты, которые он имел по закупке провианта в деревнях, Еривани подведомственных.

Когда в исходе 1825 года персияне подвинули войска свои к Балык-чаю, оставался в Грузии наместником

И. А. Вельяминов, который вел частую переписку с сердарем ериванским. Получив от него, наконец, весьма оскорбительное письмо, он испугался и, не смея открыть военных действий, велел уступить им некоторое пространство земли; кажется даже, что при сем случае был у нас один раненый. Но покойный государь ни под каким видом не хотел слышать о войне, и дело сие осталось без возмездия. В то же почти время Севарземидзев ходил с отрядом в холодную зиму берегом озера Гек-чая в Ги́ли, дабы прогнать оттуда селившихся курдов; сожгли загоры, в коих они держали баранов своих. Но когда увидели войска их, то также не осмелились дойти до предположенного места и возвратились после некоторых переговоров, ничего не сделавши и оставив у них в руках спорные места.

В 1826 году А. П. Ермолов начал помышлять о мерах для защиты нашей границы; но кажется, что нынешний государь более верил донесениям его о приготовлениях, деланных неприятелем к войне, и располагал по первому требованию его увеличить число войск здешнего корпуса. Меры, им взятые, были слишком недостаточны. Вместо того чтобы обратить внимание на войска, коих, по истине, было весьма достаточно, он предоставил полковым командирам действовать по-прежнему, не переставая занимать людей работами, в Тифлисе и штаб-квартирах, так что, при вторжении неприятеля, не стало вообще в поле более половины того, что могло быть в ружье. В иных полках вышло не более третьей доли людей, в других более половины; но кругом считая, верно, не вышло много более половины: всякий мыслил о своем имуществе, о своем хозяйстве и ничего не щадил, дабы спасти до последней безделицы собственности своей. Вместо того, чтоб предпринять самые строгие и деятельные меры для искоренения зла сего, Ермолов предписал, сам будучи на линии в совершенном бездействии, генерал-лейтенанту Вельяминову построить укрепления при Мираке¹⁵, что совершенно было в персидских границах.

Дело сие поручили инженер-полковнику Литову; выбор места и все распоряжение сие соответствовали совершенно мерам, предпринимаемым главным начальством.

Тогда же предполагали еще укрепить старую Лорийскую крепость¹⁶, и я видел чертежи предположенных укреплений сих у начальника штаба, но к исполнению сего не приступили; и можно ли было заботиться о сем надлежащим образом, когда главные статьи, необходимые для войны сей, остались без внимания: магазины были пусты по всей границе. Сему служила поводом в иных местах безрассудная бережливость не вовремя; ибо начальство полагало сберечь выгоды казны, заготовляя только годовую потребность хлеба в магазинах и ожидая нового урожая для новых закупок провианта, и мера сия, не совсем позволительная по дурному расчету своему в мирное время, не должна бы иметь места в такое время, когда могла встретиться внезапная надобность в большом количестве хлеба по случаю ожидаемой войны. В Палеманской и Шурачевской дистанциях, хотя и назначались приставы для управления народом, но Севарземидзев, издавна владеющий деревнями сими, коих большую часть [жителей] он выселил из-за границы, не допускал никогда приставов до своего правления. Представления губернаторов по жалобам приставов никогда не были уважаемы, и хотя злоупотребления, производимые Севарземидзевым, были известны корпусному командиру, но он оставлял управление сих областей в прежнем порядке, будучи увлечен вселяемыми в него понятиями, что Севарземидзев один мог только управляться с сими народами. Севарземидзев же ничего не упускал из вида для приобретения себе всех возможных выгод: он уже несколько лет имел полк свой на своем продовольствии, т. е., получив из комиссии провиантные деньги и наполнив сам магазины свои хлебом, собираемым им с жителей сих двух дистанций, которых он сделал своими данниками, ссужал им заимообразно при переселении их за границу хлеба

Начальником артиллерии был капитан Философов*, человек отличных дарований и образования. Он заслужил у нас всеобщее уважение. По окончании Турецкой войны он возвратился в Петербург и был командирован в Алжир с французской экспедицией. Философов прибыл к нам еще в Персидскую войну, во вторую кампанию, и находился при графе Сухтеленe, который исправлял должность начальника штаба при Паскевиче. Философов, кажется, командовал также осадной артиллерией еще при взятии Эривани.

По сделанному назначению 2-я и 3-я бригады пехоты выступали 14-го числа после молебствия. Молебствие сие было торжественное. Войска после оногo прошли церемониальным маршем, и мы после оногo дивились, с улыбкою смотря друг на друга, малочисленности войска, с коим мы начинали войну; но войска сии были одушевлены прошедшими успехами в Персидской войне и шли с полной уверенностью победы. Нас было не много более 11 000 человек всего-навсего, пехоты, кавалерии и артиллерии.

В самое время молебствия показался орел, который парил над нами. Сие было тотчас всеми замечено и названо предзнаменованием победы. Орлы сии показывались почти на всех молебствиях, после сражений и побед. Весьма вероятно, что, видя движения в лагере, они спешили к добыче, которую мы для них оставляли на полях, и парили около того места, где видели собрание людей, от опасения продолжать свой пир или в ожидании нового продовольствия.

Я выступил со своими войсками 15-го числа из-под Гумров и переправился через Арпачай вброд. Крутобережная речка сия и небольшой подъем в теснине, встретившейся уже в турецких границах, несколько задержали меня, ибо осадная артиллерия, будучи впряжена молодыми, еще вовсе необъезженными лошадьми, с трудом

подвигалась по неровной дороге. Но, вышедши из теснины, все обозы мои построились в четыре линии, и я продолжал движение свое уже в совершенном порядке.

В сей день я прошел до селения Кизил-Чахчах, где, перейдя речку Карахан²¹⁵, ночевал на правом берегу оной. Главные силы с Паскевичем прошли несколько подалее. Ночью настиг меня полковник Лазарев с Миницким, который находился при мне в Персидскую войну. Они ехали из Эривани, где занимались неудачным переселением из Хоя и Салмаса²¹⁶ армян. Они ехали к Паскевичу с письмом о своем поручении и ночевали у меня в лагере. Лазарев, кажется, был дурно принят; но он не был столько виноват, как сам Паскевич, не сделавший для сего переселения никакого путного распоряжения.

16-го числа я двинулся до Пандеривани, где соединился с главными силами, кои там стояли лагерем*.

Первое взятие русскими войсками города Карса (июнь 1828 года)**

Места, по коим мы шли, представляли обширные равнины с небольшими возвышениями, но совершенно безлесные; земля плодородная, корма хорошие, поля хорошо возделаны; но жители из селений, мимо коих мы шли (большей частью армяне), все были угнаны по приказанию турецкого правительства, удалявшего их с намерением от нас.

При Джомушлу, что на речке Карсе-чай²¹⁷, я делал привал. Я удивился сходству, которое река в сем месте имела с реками в России. Я привык видеть в гористых местах

* Впоследствии генерал-адъютант, воспитатель великих князей Николая и Михаила Николаевичей. — П. Б.

* Описание дальнейшего похода и взятие крепости Карса помещено в «Русском архиве» 1877 г. (I, 315–351). Н. Н. Муравьев получил за Карс Георгиевский крест 4-й степени. — П. Б.

** Писано в 1831 г. — П. Б.

быстрые потоки. Явление реки, тихо текущей в отлогих берегах, скрытых зеленью, было для меня явление совершенно новое.

17 июня весь корпус тронулся вместе и прибыл к селению Мешко, близ коего и расположился лагерь. Наш лагерь составлял одно большое каре, среди коего становились в колоннах обозы и кавалерия, а потому мы и не подвергались какой-либо неудаче при внезапном нападении.

Авангард наш, под командой казачьего полковника Сергеева, состоявший из одного казачьего полка, пионерного батальона и четырех линейных орудий, остановился верстах в двух или в трех впереди нас, у подошвы горы, отдельно в поле стоявшей. С сей горы можно было видеть издали Карс, отстоявший еще верст на 15. До сих пор мы еще нигде не встречали неприятеля; но перед вечером сделалось у нас во всем лагере движение, произведенное суетливостью Паскевича. Тревога сия, однако же, скоро прекратилась. Поводом к оной служило нечаянное нападение, сделанное на передовые посты авангарда партией из 30 конных турок, выехавших из Карса, которые гнались за нашими пикетами, одному казаку голову сняли, а другого взяли в плен. Партия сия немедленно возвратилась, и мы ночевали спокойно.

Вот в каком виде происшествие сие было представлено в напечатанных известиях о действующем Кавказском корпусе, доставленных Паскевичем:

Известия о действующем Кавказском корпусе

«По переходе за границу, 14-го сего месяца, главный действующий корпус, под начальством корпусного командира генерала от инфантерии графа Паскевича-Эриванского, следовал от Гумров по прямому направлению к крепости Карсу через селения Дигиш, Налдераван и Мешко. Весь сей край, населенный армянами, представляет ныне совершенное опустошение, ибо турецкое правительство всех жителей переселило в отдаленнейшие места.

При селении Мешко 17-го числа в первый раз открыт был неприятель. Конница его в большом числе выехала из крепости, верст на 16 расстояния, и напала на наши передовые пикеты, но по прибытии подкрепления была отражена. Отважность сей конницы, решившейся на большое расстояние отдалиться от крепости и вместе с тем доставленные лазутчиками известия показывали, что гарнизон Карса весьма многочислен и составлен из хороших войск. Число конницы из дели-башей²¹⁸, исфагов²¹⁹, курдинцев и карапахцев²²⁰ простирается до 5 тысяч; пехота же включает в себе всех жителей, способных к поднятию оружия и коих число вместе с пришедшими лазами²²¹ может составлять также около 5 тысяч человек».

Сии реляции превосходили всякое ожидание; но я имею причины думать, что не один Паскевич был в сем виновен. Я полагаю, что С[акен] с удовольствием украшал оные, особливо о тех делах, в коих он сам находился. Покойный же Бурцов составил себе из сего совершенное ремесло. Он находился при главной квартире без особенной должности. Известия, помещенные о неприятельских силах, я думаю, были справедливы; но не полагаю, чтобы в числе оных уже были в то время лазы, жители гор, прилегающих к Черному морю, и не имеющие в обыкновении отдаляться на такое большое расстояние из своих ущелий. Мы позже встретили сие храброе племя в Ахалцыхе²²².

18-го числа мы оставили большую дорогу, ведущую к Карсу, потому что, идучи по оной, нам бы встретилась под самым Карсом гора Карадаг, которую турки сильно укрепили и соединили оную еще укрепленным лагерем с самой крепостью. Мы пошли влево, описывая около Карса дугу на расстоянии восьми или девяти верст от крепости, ввиду оной, и таким образом достигли селения Азад-Кёв, лежащего уже неподалеку от большой дороги, ведущей из Карса в Эрзрум, так что, повернувши направо,

мы имели перед собою предместья Карса, коего грозная цитадель возвышалась за оным.

Авангард наш состоял из тех же войск, и, пройдя Азад-Кёв, казаки врасплох напали на выехавших из Карса нескольких фуражиров и, погнав их, двух захватили в плен и столько же, кажется, убили. Можно сказать, что если мы были неосторожны на своих пикетах, то турки вообще были оплошны. Они не так, как персияне, открывают неприятеля и, будучи тяжелее их, остаются с беспечно-стью в своих лагерях. Мы имели много раз случай заметить сие.

Переход сей был более похож на триумфальное шествие, в коем, однако же, колесницы заменялись грузинскими арбами; ибо порядок, соблюденный во время марша, как войсками, так и в обозах, был удивительный и превосходил всякое ожидание. Неприятель, видя нас издали, мог бы полагать, что у нас было огромное войско, ибо обозы, хотя и шли густой колонной в четыре линии, но все еще занимали более семи верст в длину. Батальоны пехоты, прикрывающие изредка на флангах сию черную движущуюся массу, отличались по блеску ружей в яркий и жаркий день. Кавалерия, с коей шел сам Паскевич, описывала меньший круг, прикрывая наш правый фланг от крепости, в одной или двух верстах от колонны, и часто останавливалась. На обширной равнине, по коей мы двигались, все движение наше казалось с близлежащих высот как начерченное на плане, и сим мы были обязаны, кроме старания и бдительности частных начальников, конечно, распорядительности Сакена.

В сей день, повернувши от Азад-Кёва, где у нас был привал, направо и прошедши еще несколько, мы остановились лагерем лицом к предместью Карса, в нескольких верстах от оногo, в том же порядка, как стояли накануне.

Вот что было написано в официальных известиях о происшествиях сего дня.

«...От селения Мешко, оставив большую Гумринскую дорогу, г-н корпусный командир решился фланговым движением обойти крепость и, заняв лагерь на большой Эрзрумской дороге, пресечь сообщения между Карсом и Эрзрумом и тем самым лишил первую крепость ожидаемого подкрепления от сераскира²²³, коего полагали в следовании с 20-тысячным корпусом к Карсу. Упомянутое фланговое движение, исполненное в порядке в виду крепости, не было беспокоивоваемо неприятелем. Транспорты и обозы, разделенные по пехотным бригадам, шли в четыре ряда, будучи прикрыты пехотою и артиллериею; конница занимала поле, обращенное к крепости. Неподалеку от селения Азад-Кёв, где был назначен и ночлег, неприятель, встреченный передовыми казаками, был вытеснен из оврага с потерю нескольких убитыми и взятыми в плен».

Реляция сия написана справедливо, исключая того, что собственно неприятеля не было в овраге, кроме нескольких фуражиров, которые почти без бою бежали в крепость.

Вечеру было отдано между прочим следующее приказание:

«Завтрашнего числа поход с лагеря при крепости Карс. Корпус выступает в 7 часов утра левым флангом. Все тягости, исключая одного патронного ящика и двух лазаретных повозок в каждом полку, остаются в нынешнем расположении; для охранения оных назначается по одной роте из каждого пехотного и 50 казаков из каждого донского полков, и по два орудия из каждой батарейной роты».

Если бы я имел планы местоположений и крепости, при коих мы встречались с неприятелем, то описания сии были бы гораздо внятнее, но за неимением оных я опишу здесь, по возможности, местоположение, окружающее Карс.

Цепь гор Соганлугских, отделяющих Эрзрум от Карса, спускается особенным отрогом, оконечность коего составляет почти отдельную гору, называемую Карадагом; но Карадаг все еще соединен с отрогом своим хребтом на расстоянии трех или четырех сот сажен²²⁴, на восточной покатости коего расположено одно предместье Карса. От сего предместья выше по отрогу лежит на той же покатости город Карс, к коему на долине примыкает с восточной же стороны также обширное предместье. Карадаг был укреплен рубленным деревянным редутом с четырьмя орудиями. Самый доступ к оному уже был очень труден по высоте и крутизне горы; деревянные же укрепления, сделанные срубам, коих середина набивается землей и кои турки везде употребляют, оказались весьма выгодными в поле. От Карадага было начато укрепление, которое окружало все первое предместье, раскинутое на плоскости, и примыкало к крепости или другому большому нижнему предместью. Но укрепление сие было недокончено, как равно не совершенно было кончено укрепление, соединяющее Карадагский редут по самому хребту с крепостью, коего большая башня, вооруженная несколькими крепостными орудиями, обстреливала Карадагский редут. От сей башни вниз по покатости шла двойная стена с башнями и воротами, окружающая город с трех сторон, из коих впереди нижней было еще топкое место или болото. Стены сии были в хорошем состоянии: высоки, толсты, и в башнях много орудий, но разных калибров, на дурных лафетах и в большой неисправности. И так городские стены с двух сторон спускались с горы, к большому предместью и с одной находились у самой подошвы горы, шли вдоль оной и отделяли город от большого предместья, которое, имея по внешним углам особенно отдельные башни с артиллерией, было еще обведено каменным валом, вновь сложенным, без известки, но с небольшим рвом.

С эрзрумской стороны, под самыми почти стенами города, протекает река Карс, через которую имеется хоро-

ший мост. Река сия, вытекающая из Соганлугских гор, делает небольшое колено, параллельное Карсу, в трех верстах выше оного, тут через оную идет большая Эрзрумская дорога по хорошему мосту, потом, упираясь в большое нижнее предместье Карса, опять поворачивает налево, отделяет третье предместье Карса, лежащее на покатости горы с эрзрумской стороны, которое оборонялось тоже отдельной башней, окруженной небольшим валом и называвшейся Топал-паша, и, наконец, врезывается странным в природе явлением в самую гору, которую рассекает пополам и окружает с северо-западной стороны Карс, оттуда уже неприступный, ибо хребет разделен почти вдоль пополам рекою, текущей в каменных обрывах, вышиной в 60 сажен, по крайней мере. Внешняя часть хребта сего доступна, если на горы подняться от Эрзрумского моста; но на противоположном хребте поставлена высокая цитадель Карса, униженная орудиями, которая спускается к городу несколькими ярусами толстых стен, так что она для приступа совершенно недоступна; и хотя с противоположной высоты по близкому расстоянию и можно ее засыпать ядрами, но толстые стены цитадели сей долго устоят против артиллерии, и кроме того, если бы огонь оной и прекратился, то выгода от сего была бы небольшая, ибо через то не улучшился бы доступ.

Из сей цитадели, хорошо и чисто выстроенной, подделаны у турок потайные, в камне высеченные ходы к воде и мельницам. Река Карс, имеющая до 12 сажен ширины, не везде проходима вброд и, минуя Карс и Карадаг с северо-восточной стороны оных, течет опять по равнине в отлогих берегах.

Описав таким образом Карскую крепость в том виде или тем порядком, как она нам представилась во время осады, я для большей внятности повторю описание сие, приступив к оному со середины или начиная от цитадели.

Цитадель Карса, названная английскими путешественниками неприступной, лежит на вершине горы, по восточной

или юго-восточной покатости коей стоит город и коей противоположная сторона кончается обрывом, в коем сделано несколько сходов к реке Карс-чай, и между прочими один закрытый сход из самой цитадели для добывания воды. Противоположный же сему обрыву берег реки кажется в сем месте еще более недоступен по крутизне скал, из коих оный состоит. Берег сей, на который можно с артиллерией взойти, поднявшись на горы верстах в трех повыше Карса, несколько возвышеннее того места, на коем построена цитадель.

Цитадель сия спускается к городу в несколько ярусов толстых стен, соединяется на вершине горы невысокой стенкой (идущей по берегу скалы) с большой башней, обстреливающей Карадагский редут. С одной стороны от сей башни, с другой же от самой цитадели спускаются две двойные стены с башнями до долу, где они соединяются такой же поперечной стеною, перед которой в одном краю местоположение затоплено.

С северо-восточной стороны за сей стеной находится на покатости горы небольшое предместье, за которым был выстроен на горе Карадагский редут с четырьмя орудиями, который соединялся недоконченными укреплениями с одной стороны по хребту горы до большой башни, а с другой стороны по покатости кругом предместья вниз к крепости или к другому большому предместью.

С юго-восточной стороны, за крепостной стеною, находится большое предместье, расположенное уже на равнине, на углах коего имеются отдельные башни с артиллерией, связанные в недавнем времени сложной каменной стеной без извести.

С юго-западной, или эрзрумской, стороны, за крепостной стеной течет река Карс, обгибающая цитадель и Карадаг, и отделяет от города предместье, расположенное также на покатости и обороняемое стоящей в краю оною отдельной башней, окруженной небольшим валом и называющееся Топал-паша.

Таковое крепкое положение крепости Карс подало европейским путешественникам повод к сравнению оной с Гибралтаром. Крепость сия в самом деле очень сильна местоположением своим, и она нам, вероятно, в другой раз не достанется так легко в руки, как в сей*.

Кроме вышеописанных укреплений, турки выстроили еще два укрепленных лагеря, один на левом берегу Карс-чая перед предместьем, прилегающим к Топал-паше на низу, и поставили в оный несколько орудий, а другой на горе выше Топал-паши, дабы можно было бить в цитадель.

Город многолюден, и все жители вооружены, так что, при находящихся там войсках, обороняющих было весьма достаточно для удержания крепости, хорошо снабженной всякого рода запасами артиллерийскими в избытке и провиантом. Но начальником у турков был паша, человек невоенный. Паша сей был некогда муллою в селении Тегиш (через которое мы проходили, переступив из Гумров границу); он, как говорят, занимался более предметами, до его звания касающимися, и получил место паши в Карсе через происки свои и связи, которые он приобрел некогда в путешествии своем в Царьград. Он был слаб, необразован, простого происхождения и совсем не похож на правителя области. Звук орудий слишком сотрясал его, и он не умел сделать никаких распоряжений, не мог предпринять никаких деятельных мер.

* * *

Город Карс населен турками и армянами. Последние не имеют достаточных причин жаловаться на какие-либо притеснения в мирное время со стороны правительства, ибо они в городе свободно торгуют, а в деревнях свободно занимаются хлебопашеством и живут в довольствии. Взаимные отношения сих двух народов изменились с открытием войны.

* Через 27 лет по написании этих строк Карс взят был самим автором. — П. Б.

Штов Иван Павлович (1793–1845), генерал-майор (1828), командир лейб-гвардии Сводного полка (1826–1828) — 235, 265–266, 473, 478

Шомбург, дипломатический чиновник — 367

Шостенко, майор Херсонского гренадерского полка — 595, 599

Щ

Щербатов Александр Петрович (1836–?), князь, генерал от инфантерии (1899), военный историк — 330

Э

Эйкали-султан, ротный командир, перебежчик из Аббас-Абада — 291

Эмануэль, Эммануэль, Георгий Арсеньевич (1775–1837), генерал от кавалерии (1828), командующий войсками на Кавказской линии (1826–1828), начальник Кавказской области (1826–1829) — 205

Эристава Елена Александровна, см. *Попова Е. А.* Эристов, Эристов-Ксанский, Георгий Евсеевич (1769–1863), князь, генерал-лейтенант (1826), командир 21-й пехотной дивизии (1826–1830), позже генерал от инфантерии (1846) — 209, 227, 239, 284, 288–289, 324, 326, 328, 330, 332, 344–347, 350–351, 353–354, 356, 362–364, 366, 368, 370, 371, 376, 377, 384–389, 392, 394–396, 406, 407, 410, 411, 413–417, 419–421, 423, 425, 428, 430, 431, 437–439, 441, 443–447, 451, 453, 461, 462, 485, 506

Эристов, князь, владелец стекольного завода в Карталинии — 743

Эристов, князь, прапорщик — 530

Эспехо Аким (Яким) Михайлович (1792–1847), подполковник Корпуса инженеров путей сообщения (1823) — 344, 354–355, 413, 438, 529, 536, 583–585

Эхсан-хан, Эхсен-хан, Яхсен-хан, Нахичеванский (1789–1846), командир персидского Нахичеванского сарбазского батальона (1822–1827), затем наиб Нахичеванского царства (1827–1839) — 291, 297, 300, 306, 320, 446, 455

Ю

Юдин, подполковник, командир 2-го батальона Ширванского пехотного полка — 556, 665, 666

Юстициани Наталья Григорьевна (1783–1811), княжна, первая жена Ф. И. Ахвердова — 139

Юсуф-мирза, письмоводитель Л. Я. Севардземидзева — 49, 65–66

Юсуф-хан, начальник персидской артиллерии — 437

Я

Якубович Александр Иванович (1797–1845), капитан Нижегородского драгунского полка, декабрист, литератор — 189

Яхсен-хан, см. *Эхсан-хан*

Содержание

Предисловие.....	5
Январь-июль 1826 года	17
Июль-август 1826 года.....	67
Январь-май 1827 года.....	187
Май-июль 1827 года	237
Июль-декабрь 1827 года	295
1828 год	463
Первое взятие русскими войсками города Карса (июнь 1828 года)	511
Август-декабрь 1828 года	695
Примечания	761
Именной указатель	783

Муравьев-Карский Николай Николаевич
СОБСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ: 1826–1828

Редакторы *Д. Д. Зелов, В. Е. Климанов*
Компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *Н. Н. Корнилова*

ООО «Кучково поле»
119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 420
Тел./факс: (495) 256 04 56
E-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

ООО «Икс-Хистори»
105066, Москва, ул. Доброслободская,
д. 15/17, пом. 10п

Подписано в печать 29.10.2019.
Формат 125×200 мм. Печ. л. 25.
Тираж 1000 экз.

По вопросам приобретения обращайтесь
в отдел продаж: e-mail: sales@kpole.ru
Тел.: (495) 256 04 56 доб. 1

ISBN 978-5-9950-0803-3

